

В. А. Ливцов, А. Н. Балашов

**КОНЦЕПТ «МИРОВЫЕ ИМПЕРИИ» В РОССИЙСКОМ И ЗАРУБЕЖНОМ
НАУЧНЫХ ДИСКУРСАХ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

ЛИВЦОВ ¹

Виктор

Анатолеевич,

livcov@orel.ranepa.ru;

ORCID 0000-0001-5247-7968,

SPIN-код: 5464-0853,

AuthorID: 367835,

*доктор исторических наук,
профессор*

БАЛАШОВ ¹

Андрей Николаевич,

andrewb3333@gmail.com;

ORCID 0000-0003-2300-324X,

SPIN-код: 7814-6505,

AuthorID: 767095,

*кандидат политических
наук, доцент кафедры*

¹ Среднерусский институт
управления – филиал Россий-
ской академии народного
хозяйства и государствен-
ной службы при Президенте
РФ,

адрес: Россия, г. Орёл,

Октябрьская, д. 12

Аннотация. Цель настоящей работы состоит в политологическом осмыслении концепта «мировые империи». В статье конкретизируется понятие «империя» в контексте построения нового мирового порядка в условиях глобализации, анализируются осмысление имперских стратегий в отечественном и зарубежном научных дискурсах XX – XXI столетий.

Для достижения этой цели были использованы эволюционный, компаративистский, диалектический подходы, а также метод экстраполяции. В статье систематизируются основные научные представления о типичных чертах и сущности политической субъектности государства имперского типа в условиях развития международного геополитического процесса.

Авторами обосновывается мысль, что релятивистская позиция экспертного и научного сообществ в лице идейных атлантистов обусловлена политической мифологией периода холодной войны и попытками искусственно сформировать образ «империи зла» по итогам ангажированного осмысления внешней политики СССР. В настоящее время такие разработки находят продолжение в стремлении доказать традиционный характер «российского империализма», наряду с чем аргументируется нацеленность исследователей России и зарубежных стран к объективному осмыслению феномена имперских тенденций в международном процессе становления постбиполярного мирового порядка.

По итогам проведенного исследования формулируется вывод о возможности научного объяснения феномена империй в узком и широком значениях. Во-первых, под империей в науке понимается особый тип авторитарной государственности. Во-вторых, империей следует считать специфический тип международной политической субъектности, предполагающей продвижение экспансионистских внешнеполитических проектов на основе идеологических доктрин мессианской направленности.

Ключевые слова: империя, имперская внешняя политика, международный политический процесс, дискурс, биполярность, мировой порядок

Информация о финансировании: данное исследование выполнено без внешнего финансирования.

Цит.: Ливцов В.А., Балашов А.Н. Концепт «мировые империи» в российском и зарубежном научных дискурсах: сравнительный анализ // Среднерусский вестник общественных наук. – 2024. – Том 19. – № 3. – С. 87–108. – <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2024-19-3-87-108>. – EDN BQSUCM

© Ливцов В.А., Балашов А.Н., 2024 г.

Original article

Viktor A. Livtsov, Andrey N. Balashov

THE CONCEPT OF "WORLD EMPIRES" IN RUSSIAN AND FOREIGN SCIENTIFIC DISCOURSES: COMPARATIVE ANALYSIS

About the author:

Viktor A. Livtsov¹,

livcov@orel.ranepa.ru;

ORCID 0000-0001-5247-7968

SPIN-код: 5464-0853,

AuthorID: 367835

Doctor of Historical Sciences,
Professor

Andrey N. Balashov¹,

andrewb3333@gmail.com

SPIN-код: 7814-6505,

AuthorID: 767095

ORCID 0000-0003-2300-324X

Candidate of Political Sciences

¹Central Russian Institute of
Management - Branch of
RANEPA
(Russian Federation, Orel)

Abstract. The purpose of this work is a political scientific understanding of the concept of world empires. The article specifies the concept of "empire" in the context of building a new world order in the context of globalization. The understanding of imperial strategies in domestic and foreign scientific discourses of the 20th-21st centuries is analyzed.

To achieve this purpose historical, comparative, dialectical approaches, as well as the extrapolation method, were used. The article systematizes the basic scientific ideas about the typical features and essence of the political subjectivity of an imperial-type state in the context of the development of the international geopolitical process.

The authors substantiate the idea that the relativistic position of the expert and scientific communities represented by ideological Atlanticists is due to the political mythology of the Cold War period, as well as to the attempts to artificially form the image of an "evil empire" based on the results of a biased understanding of the foreign policy of the USSR. Currently, such developments continue with the desire to prove the traditional nature of "Russian imperialism". Along with this the focus of researchers in Russia and foreign countries towards an objective understanding of the phenomenon of imperial tendencies in the international process of formation of a post-bipolar world order is argued.

As a result, a conclusion is formulated about the possibility of a scientific explanation of the phenomenon of empires in narrow and broad meanings. Firstly, empire in science is understood as a special type of autocratic statehood. Secondly, an empire should be considered a specific type of international political subjectivity which involves the promotion of expansionist foreign policy projects based on ideological doctrines of a messianic orientation.

Keywords: empire, imperial foreign policy, international political process, discourse, bipolarity, world order.

Funding information: This study was performed without external funding.

For citations: Livtsov, V.A., Balashov, A.N. (2024) The concept of "world empires" in Russian and foreign scientific discourses: comparative analysis. *Central Russian Journal of Social Sciences*. Vol. 19, no.3, p. 87-108 - DOI: 10.22394/2071-2367-2024-19-3-87-108. EDN BQSUCM

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время процессы глобализации выступают фактором, разрушающим национально-территориальный суверенитет государства как основной политико-институциональной модели существования народов. Национальные государства всё труднее сохраняют верховенство своей публичной власти в пределах существующей территории, а также зачастую утрачивают монополию на применение легитимного насилия. Попытки реализации проектов регионального лидерства оборачиваются военными поражениями и дефрагментацией национально-территориального политического устройства (Сербия, Ирак, Ливия), следствием чего становится всё большее распространение так называемых несостоявшихся государств или государств, фактически выступающих протекторатами Соединенных Штатов Америки. При этом, несмотря на явные имперские проявления в гегемонистской политике Соединенных Штатов, это государство официально не называется империей. В науке сложилась противоречивая ситуация. Термин «империя» и производные от него используются для концептуализации и осмысления современного мирового порядка, но смысл и значение этого феномена продолжают пребывать в фокусе интенсивной научной и идеологической полемики.

Цель настоящей работы – исследовать научные трактовки феномена мировых империй как фактора современного международного политического процесса. Библиографическая и источниковая база темы обширна. В распоряжении политической науки имеется значительный корпус источников исторического, политико-философского, правового, культурологического характера.

Феномен имперской государственности в фокусе научной мысли

Обоснованным представляется мнение Альфреда Дж. Рибера: «Империи остаются всё ещё недостаточно исследованной областью знания в сопоставлении с их историческим и концептуальным соперником – национальным государством. Существует множество заслуживающих внимания теорий национализма и национального строительства, и в то же время – сравнительно мало теорий, объясняющих историю строительства и упадка империй и империализма» [Рибер, 2004, С. 33].

Однако концепт империи как специфический дискурс развития современного международного политического процесса долгое

время игнорировался представителями политологического научного знания. Господство западной гуманитарной традиции в оценках мировой политики (что закреплено в большинстве актов международного права) и, как следствие, либеральных представлений об империи препятствует (в рамках нациецентрической парадигмы) полноценному анализу феномена империи. Представления о последней, характерные для политической теории, остаются поверхностными и недостаточно концептуализированными. Семантическое поле понятия «империя» перегружено смысловыми интерпретациями и трактуется чрезмерно широко экспертами и исследователями в области мировой политики.

Недостаточная категориальная концептуализированность империи, теоретико-методологический релятивизм и номинализм приводили к смешению: 1) реальных и номинальных империй; 2) империй и неправовых систем (деспотий, тоталитарных режимов); 3) империй и колониальных держав; 4) древних сакрально-правовых империй и экономического империализма Нового времени (с XVI – XVII вв.). В результате в западной науке появились десятки разнородных определений империи. Большинство были привязаны к определённому политическому контексту в конкретный промежуток времени, при этом трактуя империю как господствующую метрополию, осуществляющую агрессивную эксплуатацию периферии.

В самом общем контексте в политическом лексиконе термины «империя», «имперская политика» интерпретируются как гегемония одних субъектов международного политического процесса над другими. Однако ни одно современное государство, проявляющее черты имперской политики, всё же не позиционирует себя как империю, не отражая это в своих законах. Задача поиска критериев империума во внешнеполитических стратегиях усложнилась и тем, что о гипотетических современных империях модернизированного типа нельзя говорить в том же смысле, что и о «классических» гегемонах международной политики прошлых эпох.

По сей день распространена точка зрения, согласно которой «век империй» закончился, когда экономическая целесообразность обладания колониями была утрачена, и ведущие мировые державы, прежде всего европейские, отказались от них. Как известно, ко второй половине XX в. практически завершился процесс деколонизации на Африканском и Азиатском континентах. Указанный выше подход ведёт к отрицанию феноменальной, полити-

ко-философской, политико-правовой и мировоззренческой сущности империй в условиях постбиполярного мирового порядка. Это нашло отражение в работах Д. Ливена, который является представителем цивилизационного анализа. Согласно его мнению использование понятия «империя» «...вызывает значительные затруднения ещё и потому, что с того самого момента, как две тысячи лет назад в латинском языке появилось слово *imperium*, оно постепенно приобрело множество смысловых значений» [Ливен, 2005, С. 80].

Вследствие этого не только в публицистике или в публикациях массмедиа, но и в научных оценках нередко негативные коннотации действий каких-либо влиятельных акторов (США, условного Запада, России, Китая), оцениваемых как «имперские».

Напомним, что итальянский мыслитель Данте Алигьери (1265–1321) в своём произведении «О монархии» впервые концептуализировал понятие империи исходя из категорий, характеризующих человеческое бытие и общественное благо. Он пытался доказать, что всемирная «светская империя» является справедливой, предельной и истинной. Эти выводы основывались на идеях католического богословия, а также мыслителей Аристотеля и Вергилия. Данте считал её совершенным политическим строем, построенным на принципах универсализма человеческой природы и основанным на праве, в отличие от неправовых деспотий. Он отмечал, что империя «есть единственная власть, стоящая над всеми властями во времени и превыше того, что измеряется временем» [Данте, 1996].

Имеет смысл учитывать подходы классиков геополитики Карла Шмитта (1888–1985) и Хэлфорда Джона Макиндера (1861–1947), которые выделяли два вида империй по форме их экспансии: теллурократические и талассократические [Макиндер, 1995, С. 45].

«Теллуократией» именовались континентальные державы, существовавшие в различных исторических эпохах. Завоевывая соседние земли, эти державы создают из них провинции, обеспечивая первенствующую роль имперских законов и единое денежное обращение. Такая стратегия свободно включает местные политические элиты в империостроительство. Для акторов подобного рода выделялось два периода расцвета: древнеримский и «наполеоновский».

К типу «талассократии» в геополитических подходах относили колониальные империи, основанные приморскими или островны-

ми странами: Британская, Испанская, Португальская, Нидерландская и Японская. Главная отличительная черта субъектов подобного рода – нацеленность на экспансию посредством освоения океанического пространства и проходящих через него стратегических коммуникаций.

Несколько иной характер классификации демонстрировали ученые, которые исследовали крупные типологические группы империй: морские – Н. Фергюсон [Фергюсон, 2003], А. Мотыль [Мотыль, 2001], М. Дойл [Doyle, 1986]; сухопутные – С. Айзенштадт, А. Каппелер, П. Кеннеди [Kennedy, 1988], Э. Гиббон [Гиббон, 2005]. В отношениях между метрополией и колониями в первом случае империя определяется путем политического и экономического господства, эксплуатации и культурной агрессии. Во втором случае – путем влияния универсалистских религий. Некоторые исследователи уделяют внимание только внешним характеристикам деятельности империи, изучают их центры власти (П. Кеннеди) или экспансионизм. Другие исследователи сосредотачивают свое внимание лишь на внутреннем устройстве империй, рассматривают различные способы управления многонациональной структурой государства.

Трактовки империй в англосаксонской политологии

Новый этап обращения к рассматриваемому дискурсу относится ко второй половине 1980-х гг., когда проявился системный кризис в СССР. Тогда в рамках англосаксонской политологии утвердилось мнение о преобразовании последнего в так называемую красную империю. Именно на указанный период приходятся попытки конституирования нового направления в рамках политической теории – империологии (С. В. Лурье, К. Мацузато), однако таковые не получили логического завершения, несмотря на то что западная (прежде всего американская) политическая мысль, оставаясь в рамках нациецентрического и либерально-демократического дискурса, обратилась к феномену империи для идеологического обоснования стратегий атлантического блока по противоборству с системой «мирового социализма», формируемой по инициативе СССР.

Исходя из отмеченной цели имперский опыт истолковывался как негативный антипод либерально-демократического строя и национально-территориального государства, в развитие чего термин «империя» отождествлялся лишь с империалистическими или

великодержавными государствами [Шишков, 2018]. Господство идеологизированных представлений привело к доминированию историко-релятивистских (от лат. *relativus* – «относительный») и номиналистских (лат. *nominalis* – «относящийся к именам», от лат. *nomen* – «имя») подходов, для которых характерно отрицание универсалий, общих определений для ряда объектов. Отсюда закономерно формулировалось отрицание «феноменальной» природы самой империи, под которой понималось обширное государство, образовавшееся путём захвата других стран, с опорой на военную мощь, национальную идею мессианского типа, автократическую власть, с лояльным населением, внешнеполитическим влиянием, осуществляющее экспансию в целях достижения мирового господства. Неотъемлемая черта мировых империй – это милитаризация их внешней и внутренней политики [Цыбаков, 2012].

Отметим, что в условиях либеральной глобализации была поставлена под сомнение роль традиции и института государства в целом в международном политическом процессе, вследствие чего отрицалась феноменальная, политико-философская, политико-правовая и мировоззренческая сущность империи как концепта и как практической формы организации государственно-территориального пространства. При этом критерии имперскости определялись нечётко, с опорой в большей степени на ангажированные идеологические установки, нежели на осмысление фактологии и эмпирических сведений. Заслуживает внимания аргументация российского ученого В. Е. Матвеева, согласно которой «неспособность нациецентрического подхода соответствовать современным потребностям науки, когда история рассматривается как телеологическое движение к нации, стала «очевидной» [16, С. 8].

С учетом этого закономерно выглядит методологический тупик, который стал итогом исследований «советской империи» в рамках американской геополитической школы. Поскольку при изучении имперских систем современности англосаксонскими экспертами применялся в первую очередь метод компаративистики (от лат. *comparativus* – «сравнительный»), то необходимо было объяснить позицию США в биполярной системе в то время, когда один из «полюсов» занимала «империя СССР». Вследствие этого для научной мысли США оказались неприемлемыми объективные оценки экспансионистского курса североамериканского неоимпериализма. Поэтому энтузиазм в изучении феномена империи сменился кризисом. Попытки определить понятие империй остались на

уровне изучения великодержавных «имперских» признаков, вследствие чего этот тип политической субъектности объяснялся только в структурном плане. Особенностью большинства определений этого понятия являлась привязка к политическому контексту в определённый промежуток времени.

Следует отметить, что применительно к многополюсному периоду американская политическая наука в значительной мере преодолела дефекты периода биполярности. Так, представители столь разных исследовательских традиций, такие как З. Бжезинский [Бжезинский, 1998], М. Хардт, А. Негри [Хардт, 2004], используя имперскую терминологию, формируют политические концепции, которые основываются на стратегии политических элит США для образования своих зон влияния. Это особенно видно на постсоветском пространстве, которое рассматривается Штатами как совокупность потенциальных протекторатов.

После 2000 г., исходя из структуралистского понимания империи, стали появляться исследования, более последовательно сравнивающие систему отношений США с их союзниками и сателлитами с империей нового типа [Тодд, 2004]. При этом подчёркивается уникальность доминирования США. Например, концепция Г. Лундестада предполагает, что Америка является «империей по приглашению» (*empire bay invitation*), что означает использование Штатов другими странами как арбитра в спорах и для защиты в возможных конфликтных ситуациях.

Дипак Лал, в свою очередь, утверждает, что глобализация всегда была связана с империей: империи возникали, когда международное анархичное сообщество государств уступало место державе, располагающей экономическими и военными средствами для утверждения своей гегемонии. По его мнению, «...со времен падения Римской империи никакая другая имперская держава не обладала потенциалом, сопоставимым с тем, которым располагают сегодня США» [Лал, 2010, С. 14].

К другой группе ученых можно отнести М. Гленнона и М. Линда, которые ушли от имперских определений и стали именовать политические процессы в Америке «общемировым порядком», а также «установлением общечеловеческих ценностей». Вместе с этим в отношении США они используют такие термины, как «супергосударство» и «сверхдержава».

Напротив, на современном этапе важно отметить появление ряда исследований, которые ставят под сомнение уникальную роль

США на мировой арене. Наиболее известна среди них работа Э. Тодда [Тодд, 2004], в которой исследуются фундаментальные слабости современных Соединенных Штатов Америки, делаются выводы о постепенной утрате контроля в экономическом, военном и идеологическом плане. Он отмечает растущую враждебность США к слаборазвитым странам как проявление слабости и неспособности бросить вызов более могущественным державам, что позволяет сделать вывод о смене внешнеполитической модели – превращении «защитника» в «хищника». Указанная работа на примере США показывает возможный характер взаимоотношений современных государств, которые обладают имперскими амбициями, к остальной части мира и, несомненно, расширяет понимание стратегий выживания мировых империй в современном мире.

Отметим, что имперское отношение центра к периферии (по терминам А. Мотыля) может выстраиваться неформально – путем дипломатического, военного давления, экономических и финансовых связей (при полном превосходстве центра), поддержания выгодных для центра политических режимов и др. Поэтому территориально империя может не соотноситься с отдельным государством, а составлять надгосударственное образование в случае устойчивых связей с периферией и ее подчинением в интересах центра.

Таким образом, соперничеством политико-философских и релятивистских подходов к интерпретации рассматриваемых нами понятий характеризуется содержание современного этапа изучения империи в зарубежной политической науке.

Научные подходы к проблеме империй в российских исследованиях

В российских исследованиях обосновывается политико-философский методологический подход к изучению империи, в отличие от релятивистских зарубежных концепций. В соответствии с этим подходом актуализируется опыт имперских систем в целях организации больших социальных и географических пространств. В первой половине XX века в России сформировалось исследовательское направление, к которому следует причислить классиков государственоведения и политико-правовой мысли. К таким ученым можно отнести К. Н. Леонтьева, Л. А. Тихомирова, И. А. Ильина, Н. Н. Алексеева, М. Н. Каткова, Н. С. Трубецкого, П. Н. Савицкого, Н. Я. Данилевского, К. П. Победоносцева,

И. Л. Солоневича. Вместе с тем и в их трудах нет исследований институциональной структуры имперской формы государства, которые позволили бы выявить причины и условия формирования мировых держав, а также политико-правовой режим их существования.

Русский общественный деятель, монархист Лев Александрович Тихомиров (1852–1923) создал одно из обстоятельных исследований монархии (империи) [Тихомиров, 2006]. Он обращал внимание на ценностно-религиозный и правовой комплекс, составляющий сущность имперской идеи. Для него «необследованность» данной проблематики была поводом к анализу монархической (имперской) государственности.

С начала 1990-х гг. в России можно выделить два периода в развитии «имперского направления» в исследованиях.

Первый период приходится на 1990-е гг. Его можно отличить политизированностью исследователей, недостаточной проработкой историографии, игнорированием принципов научной теории. Указанный период преследует идею того, что национальная государственность наследует имперскую. В результате этого формируются подходы к осмыслению понятия «империя». Исследователи этого периода не ставили задачу расширения предметного поля исследований, а только выявляли признаки империи как вида государственности. В публикациях таких ведущих журналов, как «Полис», «Родина», «Восток», была заложена база для дальнейших исследований.

Второй период начинается с 2000-х гг. Он отличается изучением историографии, созданием научных площадок, повышением публикационной активности ученых (специализированных журналов, статей, постоянных рубрик). Период характеризуется исследованием в феномене империи современной и будущей формы социальной организации. Исследования этого периода находят финансирование различных иностранных и отечественных фондов.

Концептуализации термина «империя» способствовали творческие разработки профессора Европейского университета в Санкт-Петербурге А. И. Миллера [Миллер, 2006], профессора Высшей школы экономики С. И. Каспэ [Каспэ, 2001], которые рассматривают процессы модернизации и сохранения имперских институтов в контексте постбиполярного мирового развития.

В результате был выработан ряд методологических принципов, что способствовало реализации комплексного анализа российской

стратегии в международном политическом процессе как системы имперского типа в единстве исторических, институциональных, правовых, культурных и геополитических аспектов. Российские авторы пытаются выработать интегральную институциональную концепцию развития империи и построить её «общую модель», понять её как феномен.

Но как отмечается С. И. Каспэ, «понятие империи до настоящего времени остаётся нечётко концептуализированным», поскольку «империя, в отличие от некоторых других типов социально-политических систем (в первую очередь национального государства), не породила собственного эксплицированного, формализованного идеологического и теоретического описания и обоснования» [Каспэ, 2001, С. 19].

Определяя сущность имперской государственности, руководитель Института всеобщей истории РАН А. О. Чубарьян полагает, что империя – крупное государственное образование, созданное путём присоединения (мирного или военного) независимых территорий (стран, народов) к ядру, где сосредоточена власть, и объединяющее их вокруг политического центра под эгидой универсальной идеи цивилизационного, религиозного, идеологического, иногда экономического характера, а также колониальные государства, особенностью которых является разный статус включенных в них образований. Колонии сохраняют признаки государственности, для провинций устанавливается статус приграничья или особого этнополитического территориального образования.

В работе российского ученого А. И. Уткина на примере США прослеживаются характерные предпосылки формирования сверхдержав, которые можно экстраполировать и на понятие империй: экономика, военная сила, контроль в ключевых регионах, культурный аспект, благоприятное окружение, гегемония (позиция превосходства) [Уткин, 2002, С. 23]. Автор отмечает нестабильность гегемонии США, в особенности в условиях формирования новых центров силы: России и Китая. Он выделяет три концепции «русского феномена»: идеология, геополитика, угроза западному миру (в первую очередь как альтернатива западным ценностям).

Согласно наработкам профессора Н. И. Грачёва «империя выступает как государственно-территориальная форма локальной цивилизации, представляющей исторический организм или исторический культурный тип, такую общность наций и народов, которая занимает географический ареал, «часть света», имеет общую исто-

рию, традиции, организацию быта, менталитет, социально-нравственные ценности и установки, образ жизни и принадлежит к единой исторически сложившейся культуре и в ней существует» [Грачёв, 2012]. По мнению известного политика и ученого С. Н. Бабурина, «не всякая цивилизация достигает политической формы империи, и лишь в империи государство может дорасти до цивилизации, до универсального мира, позволяющего преодолеть крайность как государственно-правового нивелирования национальных организмов, так и их самоизоляции» [Бабурин, 2005].

Исходя из этого, можно сделать вывод, что отечественная политическая мысль склоняется к мнению об отнесении империи к полиэтничным и поликультурным государственным образованиям с большой территорией, созданных на основе симфонии – сосуществования разных национальных культур и этносов, сохраняющих традиционный образ жизни, экономические структуры, систему местного самоуправления, под управлением стержневого этноса, отказавшегося от национального эгоизма во имя интересов целого, универсальной идеи единства общества для всеобщего блага (имперская идея).

Аргументируется, что категория империи «не может быть найдена ни в разделе о формах государственного правления, ни в перечне форм государственного устройства. Не совпадая полностью ни с одной из этих категорий, империя как идеальный тип властвования, вместе с тем, частично присутствует в каждой из них: демонстрируя свойственную ей централизацию власти, она может напоминать диктатуру или монархию, в плане же территориального устройства и управления – федерацию или унитарную государственность» [Исаев, 2007, С. 20].

Подводя итог, отметим, что в отношении понятия империи в контексте международно-политических исследований существуют две тенденции: методологический пессимизм и оптимизм. Их различие связано с отношением к возможности построения теоретической модели мировой или региональной гегемонии в условиях постбиполярности. В западно-ориентированной науке доминирует пессимизм, детерминируемый комплементарным отношением к либерально-демократическим стратегиям атлантического гегемонизма. К методологическим упущениям данной группы ученых можно отнести недостаточную разработанность понятийного аппарата, ограниченный политико-философский анализ, отсутствие четко выделенных признаков империй, несформированную клас-

сификацию ее моделей. Можно говорить о том, что такие концепции превращаются в набор неконцептуализированных положений. Как отмечают отечественные исследователи, для зарубежной политологии, прежде всего в рамках различных англосаксонских научных школ, характерно традиционно поверхностное рассмотрение всемирно-исторического феномена мировых империй. Так, при типологии субъектов мировой политики империя как вид либо опускается, либо характеризуется краткими и ангажированными оценками [Величко, 2002].

В противовес этому сообщество российских учёных выходит на политико-философский уровень анализа, формулирует ряд концептуализированных положений, определяет классификации империй как субъектов международного политического процесса (А. А. Бычков, А. М. Величко, И. Г. Яковенко, С. В. Ткачёв). Большая концептуальность наблюдается в разграничении «классических» («традиционных», «идеократических»), колониальных и «посттеократических» империй.

Империи в контексте современных международных процессов

Таким образом, суммируя наиболее распространенные исследовательские позиции, представляется, что понятие «империя» должно восприниматься не столько для обозначения институционально-процессуальных характеристик внутренней политики, сколько для объективизации осмысления феномена мирового порядка и международных политических процессов.

В этом плане целесообразно соотнести понятие «империя» с такими понятиями, как «мировой порядок», «многополярный мир», «международная безопасность». В контексте современных политических процессов понятие «мировой порядок» можно представить как попытку договора об однозначном и непротиворечивом комплексе целей, методов, ограничений для всех (или как можно большего числа) участников международных процессов. При этом исторический опыт установления мирового порядка свидетельствует, что его понимание также зависит от соотношения сил ведущих акторов международного процесса, в котором основную роль играют именно империи.

После Наполеоновских войн Венский миропорядок (подписан в 1815 году) оформил главенство ряда суверенных государств – «великих держав», которые имели большее влияние, чем остальные.

Это стало основой для эпохи колониализма и оказало большое влияние на окончательное формирование империй. Этот период характеризуется распространением мирового порядка колониальных империй на другие регионы. Такой мировой порядок, в котором действует государство (или коалиция), экономически и ресурсно превосходящее остальные, относят к гегемонистскому порядку. В этом случае «мировой порядок» как договор можно считать одним из инструментов подчинения гегемону и, как следствие, установления системы «однополярного мира». Напротив, «мировой порядок баланса сил» предполагает, что ресурсы распределены среди ведущих игроков равномерно. В этом случае складывается так называемый многополярный мир. Поэтому, чтобы оказаться жизнеспособным, мировой порядок не должен быть навязан, а должен восприниматься как справедливый и одобряемый.

В вопросах определения международной безопасности и механизмов ее поддержания существует множество теоретических моделей. Так, наиболее ярко проявились концепции политического реализма и неореализма, а также либерализма и «демократического мира». Представители политического реализма (Э. Х. Карр, Г. Моргентхау) рассматривают международную политику как постоянную борьбу за власть, в ходе которой каждое государство стремится к достижению своей безопасности. Для уменьшения военно-политических угроз создается система договорных обязательств, а также военно-политических союзов. При этом безопасность рассматривается как защита от внешних угроз.

Концепция неореализма (например, К. Уолтц) определяет поведение государств на международной арене в первую очередь международной структурой, ее иерархией, связями между государствами. По мнению Уолтца, самым стабильным является биполярный мир, который основан на противостоянии двух «сверхдержав».

Представители либерализма, в свою очередь, основными принципами обеспечения безопасности государства считают права личности и общечеловеческие интересы, а также укрепление влияния и расширение прав международных институтов. По их мнению, международные институты могут оказывать влияние на поведение государств внутри системы, что становится главным фактором обеспечения международной безопасности и предотвращения конфликтов между странами. Международные правитель-

ственные и неправительственные организации, по их мнению, являются основными силами, содействующими поддержанию мира. Отметим, что критики этого подхода указывают на несовершенство и односторонность реально существующих международных институтов, которые находятся под влиянием отдельных стран и деятельность которых способствует росту империализма и неравноправному партнерству. В этой связи интерес представляет концепция гуманитарного вмешательства, которая оправдывает вмешательство во внутренние дела другого суверенного государства. При этом такое государство может и не совершать актов агрессии, тогда причиной вмешательства могут быть нарушения прав граждан, борьба с геноцидом и предотвращение внутренних противостояний.

Б. Бауринг, изучая различные аспекты международного права, утверждает, что конец 80-х годов XX века стал определяющим в судьбе международного права как инструмента защиты «слабых» государств от «сильных» [Bowring, 2008, С. 65]. В результате политики США и Великобритании стало возможным утверждать мысль о кризисе международного права. Такие события, как бомбардировка Ливии Соединенными Штатами в 1986 г., военные действия в Ираке в 1991 г., в Сербии в 1999 г., в Афганистане с 2001 г., стали яркими прецедентами использования военной силы, для оправдания которой применялись политические и гуманитарные мотивы, при этом попиралась международно-правовая процедура. Военная операция стран НАТО против Югославии явно нарушала международное право, а ввод войск США в Афганистан после террористического акта 2001 года фактически свел на нет правовые ограничения для применения силы.

Г. Киссинджер в своей работе «Мировой порядок» [Киссинджер, 2015] указывает на то, что США должны идти по пути усиления своего лидерства и не должны отказываться от своей доминирующей роли. Он считает, что ни одна страна не играла столь большой роли в формировании современного мирового порядка, как Америка. Автор обосновывает историческую «вынужденность» США взять на себя роль мирового гегемона и мирового полицейского как необходимость «представлять интересы всего человечества». Работа Киссинджера являет собой идеологическое обоснование новой внешнеполитической доктрины США.

В работе Т. А. Шаклеиной хорошо прослеживается гегемонистская американская политика на российском направлении. Так, ав-

тор показывает, что в сознании американской элиты победа над коммунизмом в холодной войне трансформировалась в победу над СССР, а затем в победу над Россией как государством, которое нужно добить, пользуясь его временной слабостью. Эти взгляды доказываются тем, что в американских политических кругах по-прежнему большое влияние имеют такие авторы, как Бжезинский, Райс, Краутхаммер и другие. Т. А. Шаклеина описывает процесс превращения американского лидерства в «жесткую гегемонию» [Шаклеина, 2023], когда с партнерами из числа демократических стран взаимодействуют как с подчиненными странами. Не менее интересными представляются взгляды Р. Кейгана, который рассматривал отношения Европы и США, где последние взяли на себя основную роль в противостоянии с Советским Союзом.

Отметим также, что теория «демократического мира» как концепт международной безопасности признает главенствующую роль демократических государств как государств, которые не рассматривают друг друга в качестве враждебных. Поэтому такие государства не представляют друг для друга угрозы. Они избегают войны, чтобы сохранить свои ресурсы. Следовательно, для поддержания международной безопасности необходимо увеличение количества государств с демократическими политическими режимами. На практике эта концепция сталкивается со множеством противоречий.

Еще одним видным исследователем современного мирового порядка является Р. Саква. Он утверждает, что международная система содержит в себе множество порядков и ни один из них не может претендовать на то, чтобы считаться порядком как таковым. Разумеется, такая модель вытесняет возглавляемый США либеральный международный порядок с его ведущих позиций, отсюда и попытки сдерживать Россию и Китай [Саква, 2020]. Эти две страны настаивают на том, что возможно существование порядка без гегемонии Запада. Россия и Китай не ревизионистские, а неоревизионистские державы, которые не ставят под сомнение существующую международную систему, а вместо этого оспаривают притязания на господство какого-либо одного порядка в этой системе. По мнению автора, для России это означает борьбу против расширения атлантической системы до российских границ.

Итак, мировые империи с точки зрения международного политического процесса являются основными акторами в определении системы международной безопасности, что подчеркивает их влия-

ние на более слабые политические силы. В исторической перспективе наблюдается множество примеров, когда мировая империя создавала наиболее удобную для себя систему международной безопасности, зачастую оправдывая гуманитарные и военные интервенции поддержанием мира и устранением угроз.

Таким образом, в узком значении под империей по традиции понимается обширное, влиятельное, полиэтничное и многоконфессиональное государство со сложным общественным строем, включающее в себя другие страны и управляющееся из единого центра. Империя имеет политико-правовое единство, которое гарантирует существование государствообразующего народа среди других этносов, создавая условия для повышения культурного и политического статуса последних. В широкой трактовке под империей следует понимать мировую державу/сверхдержаву, существование и наращивание потенциала которой оправдывается целями осуществления лидерства и цивилизаторской миссии среди других народов и стран определенного геополитического ареала или всей планеты в целом.

Именно мессианизм, наличие обоснованной идеологической доктрины вселенского масштаба определяют легитимность активного экспансионистского курса государств имперского типа. Идеология таких акторов, основанная на представлении о высшей правде, носит универсальный (всемирный) характер. Конечным «идеалом» внешнеполитической державности продолжает оставаться государственная институция, потенциально готовая охватить всё человечество в пространстве и времени посредством объединения народов в сакрально-правовой союз с глобальной властью.

Библиография:

1. Арбатов, А.Г. Международная безопасность: новый миропорядок и технологическая революция: монография / отв. ред. А. Г. Арбатов, К. В. Богданов, О. В. Гусарова, М. Г. Евтодьева. – Москва: Издательство «Весь Мир», 2023. – 432 с.
2. Бабурин, С.Н. Мир империй: территория государства и мировой порядок / С. Н. Бабурин. – СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2005. – 769 с.
3. Бжезинский, З. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы) / З. Бжезинский. – М.: Международные отношения, 1998. – 256 с.

4. Величко, А.М. Идея Империи и историческое призвание России // Национальные интересы. – 2002. – № 6.
5. Гиббон, Э. История упадка и крушения Римской империи / Э. Гиббон. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – 704 с.
6. Грачёв Н.И. Империя как форма государства: понятие и признаки // Проблемы теории и истории государства и права. Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. – 2012. – № 2 (17). – С. 18–28. – EDN OICCAO.
7. Данте А. Малые произведения. Пир. О народном красноречии. Монархия. – СПб.: Издательский центр «Терра», Изд-во «Азбука», 1996. – 346 с.
8. Лал Д. Похвала империи. – М.: Новое издательство, 2010. – 364 с.
9. Исаев, И.А. Топос и номос: пространства правопорядков / И. А. Исаев. – М.: Норма, 2007. – 416 с.
10. Каспэ, С. Империя и модернизация. Общая модель и российская специфика. – М.: РОССПЭН, 2001.
11. Кейган, Р. О рае и силе: Америка и Европа в новом мировом порядке / Роберт Кейган; [пер. с англ. А. Смирнов]. – Москва: Дом интеллектуал. кн.: РОССПЭН, 2004 (ППП Тип. Наука). – 158 с.
12. Киссинджер, Генри А. Мировой порядок / Генри Киссинджер; [пер. с англ. В. Желнинова, А. Милюкова]. – Москва: АСТ, 2015. – 511 с.
13. Купер, Р. Раздор между народами. Порядок и хаос в XXI веке. Пер. с англ. М. Дадяна. – М.: Московская шк. политических исслед., 2010. – 240 с.
14. Ливен Д. Империя, история и современный мировой порядок // *Ab Imperio*, no.1, 2005. с. 80.
15. Макиндер, Х. Дж. Географическая ось истории // *Полис*. – 1995. – № 4 – С. 45–60. – EDN EQVRYF.
16. Матвеев Е.В. Концепт «империя» в работах зарубежных авторов конца XX в. // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. – 2008. – № 4 (69). – С. 45–48.
17. Миллер А.И. Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. – М., 2006. – 248 с.
18. Мотыль А. Пути империй. Упадок, крах и возрождение имперских государств. – М.: Московская школа политических исследований, 2001. – 248 с.

19. Рибер А. Сравнивая континентальные империи // Российская империя в сравнительной перспективе. Сб. статей. / Под ред. А.И. Миллера. – М.: Новое издательство, 2004. – С. 33–70.
20. Саква, Р. Россия против остальных. Кризис мирового порядка после окончания холодной войны: монография / Р. Саква. – Москва: Весь Мир, 2020. – 414 с.
21. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. – М.: Айрис-пресс, 2006.
22. Тодд Э. После империи. Рах Americana начало конца. – М.: Международные отношения, 2004. – 240 с.
23. Фергюсон, Н. Империя // Космополис. – 2003. – № 3. – С. 10–20.
24. Цыбаков, Д.Л. Милитаризация международной политики: последствия для интересов и безопасности России / Д. Л. Цыбаков. – Москва: ООО «МАКС Пресс», 2012. – 236 с. – ISBN 978-5-378-04169-4. – EDN WXXWTD.
25. Уткин, А. Мировой порядок XXI века / Уткин А.И. – Москва: ЭКСМО: Алгоритм, 2002. – 509 с.
26. Хардт, М., Негри, А. Империя / М. Хардт, А. Негри. – М.: Праксис, 2004. – 440 с.
27. Шаклеина, Т.А. Россия и США: К новому мировому порядку: монография / Т. А. Шаклеина. – Москва: Издательство «Аспект Пресс», 2023. – 560 с.
28. Шишков В.В. Империя как понятие и концепт современной политической науки: проблемы интерпретации // Полис. Политические исследования. – 2018. – № 4. – С. 22–36.
29. Шпор, К. Когда падали стены... Переустройство мира после 1989 года: монография / К. Шпор; пер. с англ. О. А. Зимарин. – Москва: Издательство «Весь Мир», 2023. – 640 с.
30. Bowring B. The degradation of the international legal order? the rehabilitation of law and the possibility of politics. -London: Routledge, 2008. – 252 p.
31. Doyle M. W. Empires / M. Doyle. NY.: Ithaca, 1986. – 350 p.
32. Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers. Economic change and Military Conflict from 1500 to 2000 / P. Kennedy. L.: John Murray, 1988. – 520 p.

References

1. Arbatov, A.G. (2023) Mezhdunarodnaia bezopasnost': novyi miroporiadok i tekhnologicheskaiia revoliutsiia: monografiia

- .Revolution: monograph] / otv. red. A. G. Arbatov, K. V. Bogdanov, O. V. Gusarova, M. G. Evtod'eva. - Moskva: Izdatel'stvo «Ves' Mir», 432 p. (In Russ.)
2. Baburin, S.N. (2005) *Mir imperii: territoriia gosudarstva i mirovoi poriadok* / S. N. Baburin. SPb.: Iurid. tsentr «Press», 769 p. (In Russ.)
 3. Bzhezinskii, 3. (1998) *Velikaia shakhmatnaia doska (Gospodstvo Ameriki i ego geostrategicheskie imperativy)* / 3. Bzhezinskii. M.: Mezhdunarodnye otnosheniia, 256 p. (In Russ.)
 4. Velichko, A.M. (2002) *Ideia Imperii i istoricheskoe prizvanie Rossii . Natsional'nye interesy . no.N^o6.*, (In Russ.)
 5. Gibbon, E. (2002) *Istoriia upadka i krusheniia Rimskoi imperii* / E. Gibbon. - M.: OLMA-PRESS, 704p. (In Russ.)
 6. Grachev, N.I. (2012) *Imperiia kak forma gosudarstva: poniatie i priznaki. Problemy teorii i istorii gosudarstva i prava. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii 5, Iurisprudentsiia. no. 2 (17). p. 18-28. EDN OICCAO.* (In Russ.)
 7. Dante, A.ri. (1996) *Malye proizvedeniia. Pir. O narodnom krasnorechii. Monarkhiia.* / SPb.: Izdatel'skii tsentr «Terra», Izd-vo «Azбука», 346 p. (In Russ.)
 8. Lal, D. (2010) *Pokhvala imperii.* M.: Novoe izdatel'stvo, 364 p. (In Russ.)
 9. Isaev, I. A. (2007) *Topos i nomos: prostranstva pravoporiadkov.* M.: Norma, 416 p. (In Russ.)
 10. Kasphe, S. (2001) *Imperiia i modernizatsiia. Obshchaia model' i rossiiskaia spetsifika.* M.: ROSSPEN. (In Russ.)
 11. Keigan, R. (2004) *O rae i sile: Amerika i Evropa v novom mirovom poriadke.* Robert Keigan; [per. s angl. A. Smirnov]. - Moskva: Dom intellektual. kn.: ROSSPEN, (PPP Tip. Nauka). 158 p. (In Russ.)
 12. Kissindzher, Genri A. (2015) *Mirovoi poriadok* / Genri Kissindzher; [per. s angl. V. Zhelninova, A. Miliukova]. Moskva: AST, 511 p. (In Russ.)
 13. Kuper, R. (2010) *Razdor mezhdou narodami. Poriadoku i khaos v XXI veke.* [Discord between nations. Order and chaos in the 21st century.] Per. s angl. M. Dadiana. M.: Moskovskaia shk. politicheskikh issled., 240 p. (In Russ.)
 14. Liven, D. (2005) *Imperiia, istoriia i sovremennyi mirovoi poriadok.* *Ab Imperio*, no.1. p. 80. (In Russ.)
 15. Makinder, X. Dzh. (1995) *Geograficheskaia os' istorii. Polis.* M., no.4 , p.45-60. – EDN EQVRYF. (In Russ.)

16. Matveev, V.E. (2008) *Kontsept "imperii" v rabotakh zarubezhnykh avtorov kontsa XX v.* Omskii nauchnyi vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriia. Sovremennost', no. 4 (69). p. 45-48. (In Russ.)
17. Miller, A.I. (2006) *Imperii Romanovykh i natsionalizm. Esse po metodologii istoricheskogo issledovaniia.* M., 248 p. (In Russ.)
18. Motyl', A. (2001) *Puti imperii. Upadok, krakh i vrozhdienie imperskikh gosudarstv.* M.: Moskovskaia shkola politicheskikh issledovani, 248 p. (In Russ.)
19. Riber, A. (2004) *Sravnivaia kontinental'nye imperii. Rossiiskaia imperii v sravnitel'noi perspektive.* Sb. statei. / Pod red. A.I. Millera. M.: Novoe izdatel'stvo, p. 33-70. (In Russ.)
20. Sakva, R. (2020) *Rossii protiv ostal'nykh. Krizis mirovogo poriadka posle okonchaniia kholodnoi voiny: monografiia.* / R. Sakva. Moskva: Ves' Mir, 414 p. (In Russ.)
21. Tikhomirov, L.A. (2006) *Monarkhicheskaia gosudarstvennost'.* M.: Airis-press,. (In Russ.)
22. Todd, E. (2004) *Posle imperii. Pax Americana nachalo kontsa.* M.: Mezhdunarodnye otnosheniia, 240 p. (In Russ.)
23. Fergusson, N. *Imperii. Kosmopolis.* M., 2003. - №3. - p. 10-20. (In Russ.)
24. Tsybakov, D. L. (2012) *Militarizatsiia mezhdunarodnoi politiki: posledstviia dlia interesov i bezopasnosti Rossii.* Moskva : OOO "MAKS Press". 236 p. – ISBN 978-5-378-04169-4. – EDN WVKWTD. (In Russ.)
25. Utkin, A. *Mirovoi poriadok XXI veka.* Moskva: EKSMO: Algorim, 2002. – 509 s. (In Russ.)
26. Khardt, M., Negri, A. (2004) *Imperii / M. Khardt, A. Negri.* M.: Praxis,- 440p. (In Russ.)
27. Shakleina, T. A. (2023) *Rossii i SShA: K novomu mirovomu poriadku: monografiia - Moskva: Izdatel'stvo «Aspekt Press», 560 p. (In Russ.)*
28. Shishkov. V.V. (2018) *Imperii kak poniatie i kontsept sovremennoi politicheskoi nauki: problemy interpretatsii. Polis. Politicheskie issledovaniia.* no. 4. p. 22-36. (In Russ.)
29. Shpor, K. (2023) *Kogda padali steny... Pereustroistvo mira posle 1989 goda: monografiia.* K. Shpor; per. s angl. Moskva: Izdatel'stvo «Ves' Mir», 640 p. (In Russ.)
30. Bowring. B. (2008) *The degradation of the international legal order? the rehabilitation of law and the possibility of politics.* -London: Routledge, 252 p. (In Eng)
31. Doyle, M. W. (1986) *Empires / M. Doyle.* NY.: Ithaca, 350 p. (In Eng)

32. Kennedy. P. (1988) The Rise and Fall of the Great Powers. Economic change and Military Conflict from 1500 to 2000. L.: John Murray, 520 p. (In Eng)

© Ливцов В.А., Балашов А.Н., 2024

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равнозначный вклад в проведение исследования и написание статьи.

The authors declare no conflict of interest.

Authors' contribution: all authors made an equal contribution to the research and writing of the article.

Поступила в редакцию (Received) 02.01.2024.

Поступила после рецензирования (Revised) 09.04.2024.

Принята к публикации (Accepted) 21.05.2024.